

IZABELA KOŃCZAK

Названия мусульманских мест молитвы в четырех русских переводах Корана

Сотрудница И.Ю. Крачковского в двадцатые годы только что прошедшего столетия писала, что текст Корана своеобразный, а первое, что бросается в глаза – это терминологические особенности.¹ Терминологические вопросы появляются и в переводах Священной Книги мусульман на другие языки, в том числе и на русский.

Целью настоящей статьи является попытка показать эволюцию терминов, связанных с названиями мусульманских мест молитвы, упомянутых в четырех русских переводах Корана. Первый из рассматриваемых переводов принадлежит Петру Постникову, который перевел его не с арабского оригинала, а с французского текста Андре дю-Рье в 1716 г. Второй исследуемый труд принадлежит К. Николаеву, основой перевода которого является также французский текст, но в этом случае Казимирского. Второй перевод вышел из печати почти 150 лет позже первого, в 1864 г. Следующих два рассматриваемых труда – это переводы с арабского языка. Первый из них возник в 1878 г. в Казани, а его автором является Г.С. Саблуков, второй же, принадлежащий И.Ю. Крачковскому, напечатан в Москве в 1963 г. уже после смерти переводчика в качестве «архивного труда ученого».²

Названия мест контакта с Богом или просто мест молитвы, о которых упоминается в русских переводах Корана, можно разделить на две группы – славянские и заимствованные из других языков. К первой группе можно отнести: *церковь, мольбище, молельня, дом молитвы, покланялище, молитвенница, храм*. Другая группа – это названия заимствованные, названия мест поклонения,

¹ К.С. Кашталева, *Терминология Корана в новом освещении*, Доклады Академии Наук СССР 1928, с. 7.

² В.Д. Ушаков, *Некоторые аспекты перевода Корана на русский язык*, «Азия и Африка сегодня», Москва 1996, № 9, с. 72.

существующие в языке благодаря присутствию других, кроме православного верований – *костел, мечеть, харам, синагога*.

Слово *мечеть*, появляющееся во всех четырех переводах, функционирует в русском языке с XVI в. и обозначает именно место молитвы мусульман. Казалось бы, что за два столетия, т.е. до возникновения первого русского перевода Корана, эта лексема успела «вжиться» в лексический состав заимствующего, в этом случае русского языка. Однако анализ памятника указывает на то, что два века бытования заимствованного выражения в новой языковой среде является недостаточным. П о с т н и к о в в своем переводе употреблял, прежде всего, другие выражения, определяющие места молитвы, а «мечеть» появилось лишь 10 раз во всем тексте: (сура 48, с. 291), (сура 2, с. 12), (сура 3, с. 36), (сура 2, с. 17), (сура 72, с.329), (сура 106, с. 349), (сура 3, с. 31), (сура 28, с. 220). Следующим фактором, свидетельствующим о неукреплении слова «мечеть» в системе русского языка XVIII в., является употребление его то в форме мужского, то в форме женского рода: *не знаете своихъ женъ во время, когда есте въ мечети* (сура 2, с.17); *рекла жена Іоакимова, господи аз ти дахъ плодъ, которыи есть въ моемъ чреве, готовеишая сохранительница всего, да бы тебе служити въ мечете твоємъ* (сура 3, с. 31). Вариантность обусловлена либо неукрепленной единственной формой фиксации, что имеет место, чаще всего при переходе заимствованного слова в другую языковую среду, либо воздействием этимона, а также языка-посредника. Слово *ал масджид* в арабском языке мужского рода, и такие колебания в записи указывают на влияние первоисточника. По словам В.П. Д а н и л е н к о, у слов-терминов, к которым можно отнести и лексему «мечеть», могут несколько дольше задерживаться параллельные формы функционирования его в двух родах.³

Наряду с лексемой «мечеть» для определения мусульманского места молитвы в переводе П о с т н и к о в а выступают лексемы «церковь» и «костел»: *понеже они препятствовали народу быти въ вере и приходить в костел Мекки, егоже Бог созда да бы молитися народу; како показали Аврааму да бы создати костел Мекки, и повелехом ему молитися токмо мне единому и очистити мой костел от идолов, которые будут входить* (сура 2, с. 189). В приведенных предложениях семантика слова «костел» конкретизировалась определением. В сочетании «костел Мекки» существительное «костел» не обозначает католического храма, а мусульманскую мечеть. Собственное название города говорит о том, что речь идет о первом мусульманском храме, т.е. о Ка'бе. То же самое происходит в случае слова «церковь», употребленного без всякого определения и в другом, чем основное, значении: *О отроцы Адамовы! Облецытесь честно, когда идете в церковь; Кто заповеда одеватися въ хорошее платье, когда надлежит итти въ церковь, Богъ вам повеле истощевати именіе что вам даде* (сура 7, с. 87). Лексема «церковь»,

³ В.П. Д а н и л е н к о, *Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов*, в: *Исследования по русской терминологии*, Москва 1971, с. 60.

употребленная в новом значении, а именно «мусульманский храм», выступает в этих предложениях в более общем значении, чем лексема «костел», так как имеется ввиду «идти во всякую мечеть». На то, что в предложениях должно появиться слово «мечеть», указывает характер и адресат текста, т.е. священная книга мусульман, а также перевод Крачковского, в котором на месте выражений «церковь» и «костел» последовательно выступает выражение «мечеть». Здесь произошло некоторое семантическое переосмысление слов «костел» и «церковь». Семантические различия между исследуемыми лексемами касаются способа молитвы, так как все они относятся к месту поклонения Богу. «Костел», лексема, заимствованная из польского языка в XV в. и означающая польский католический храм, была более освоена заимствующим языком, чем вошедшая в русский язык в XVI в. лексема «мечеть». Говоря о церкви, имеется ввиду православный храм, но в XI в. под понятием «църкы» понимался храм вообще.⁴ Нельзя исключить, что в начале XVIII в. «церковь» обладала таким общим значением как и раньше.

Такой перевод, т.е. передача названия мусульманского места молитвы с помощью названий христианских мест молитвы, мог быть обусловлен либо содержанием французской основы перевода, либо стремлением русского переводчика, сделать текст понятным каждому русскому читателю.

Что касается переводов XIX века – Николаева и Саблукова, то в первом выражение «мечеть» появляется один раз (2:183), во всех остальных случаях оно заменено выражениями «дом молитвы» и «храм». Семантика этих выражений шире, так как они обозначают здания для богослужения вообще и не ассоциируются с конкретным вероисповеданием, как это имело место выше. Перевод слова «ал масджид» вероятно обусловлен французской основой перевода. Такой тезис подтверждает перевод с французского текста Казимирского на польский Яна Мурзы Тарак Бучацкого,⁵ в котором на месте слова «мечеть» появляются польские эквиваленты слов «храм» и «костел», т.е. *świątynia* и *kościół*.⁶

Что касается значения арабского выражения *ал масджид ал харам*, то следует заметить, что переводчик с арабского оригинала (Казимирский) правильно понял его смысл. Николаев перевел его на русский как «священный дом молитвы» (9:7), (22:25), (22:27), (48:25), (48:27), (2:139), (5:98), (9:19), (2:145), или «священный храм» (17:1), (8:34).

⁴ И.И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка*, т. 3, Санктпетербург 1903, с. 1445.

⁵ На заглавном листе труда Й.М. Тарак Бучацкого помещено объяснение, указующие на то, что перевод совершен с арабского языка на польский см.: *Koran; z arabskiego przekład polski Jana Murzy Tarak Buczackiego*, Warszawa 1858. Польский переводчик пользовался французским текстом Казимирского см.: J. Kulwicka-Kamińska, *XIX-wieczne przekłady Koranu na język polski*, „Przegląd artystyczno-literacki”, Toruń 1998, № 10, с. 15.

⁶ Ср. B. Walczak, *Nazwy świątyni muzułmańskiej w języku polskim (Do kwestii dróg przenikania orientalizmów do polszczyzny)*, „Dzieje Lubelszczyzny”, Lublin 1997, с. 333–341.

В переводе Саблукова – с арабского оригинала, количество предложений, содержащих выражение «мечеть», увеличилось (5:3), (9:19), (2:187), (2:144), (2:145), (22:25), (2:139). Причиной такого состояния может быть факт перевода непосредственно с арабского языка. Можно также полагать, что в XIX в. исследуемое слово уже вошло в систему русского языка, так как в этом переводе не существуют уже его родовые варианты, а также присутствие такого его количества, которое практически устраняет возможность появления других эквивалентов. В переводе Саблукова, если речь идет о Ка'бе, то к существительному «мечеть» прибавляется определение «запретная» (22:25), (17:1), (2:139), (8:34), (5:3), (9:19), (9:28), (2:187), (2:144), (2:145). Выражение *ал харам* само по себе обозначает именно 'запретный, несвободный', зато употребленное в словосочетании *ал масджид ал харам* значит 'священная мечеть'. Определение «запретная» в русском языке обозначает то, что запрещено, куда запрещен доступ. Такая запись может свидетельствовать лишь о буквальном переводе слова за словом без сохранения смысла переводимого текста. Следует подчеркнуть, что словосочетание «запретная мечеть» является таким образом трансляторской ошибкой Саблукова, которую в части своего перевода повторял и Крачковский, употребляя наравне со словосочетанием «запретная мечеть» (22:25), (48:25), (48:27), (2:139), (8:34) и словосочетание «священная мечеть» (9:7), (5:3).

В переводе Крачковского один раз появляется слово «харам». Как было истолковано выше, «ал харам» буквально переводится как «запретный, несвободный». По мнению К.С. Кашталевой слово «харам» значит вообще: 'священное место'⁷, вероятно так и понимал это Крачковский: *Они сказали: если мы последуем за руководством вместе с тобой, будем выхвачены из нашей земли». Разве мы не утвердили за ними харама безопасного; собираются к нему плоды от всего, как надел от Нас. Но большая часть их не знает* (28:57). Сравнивая однако перевод этого аята с польским переводом с арабского Й. Белявского, который перевел «харам» как *sanktuarium*, объясняя в примечаниях, что под этим понятием подразумевается храм Каба в Мекке,⁸ можно прийти к выводу, что речь идет о первом меккском храме.

Более общее значение имеют употребляемые двумя переводчиками, но с разной последовательностью, выражения «молитвенница» и «мольбище». Два слова, имеющие одну производную основу, обозначают в общем одно и то же, т.е. место для молитвы, жертвоприношений, служб преимущественно у нехристиан, и появляются в разные периоды как эквиваленты выражения «мечеть». Итак, у Постникова выступает слово «молитвенница»: *сотвори молитвенницу Аврааму и повеле Израилю содержать дом чист, которые придут со униженностию и молитвою* (сура 2, с. 12). В современном русском языке это слово является

⁷ К.С. Кашталева, *Терминология Корана в новом освещении*, указ соч. с. 9.

⁸ *Koran; z arabskiego przełożył i komentarzem opatrzył J. Bielawski*, Warszawa 1986, с. 907.

устаревшим и понимается как женское соответствие молитвенника, т.е. человека, который усердно молится Богу. В XVII в. это понятие еще обладало двумя значениями, а именно вышеупомянутым, а также понималось как место молитв. В настоящее время это значение утратилось, оно не зафиксировано толковыми словарями русского языка. С а б л у к о в заменял выражение «мечеть» выражением «мольбище»: *Как может у Бога и посланника Его состояться союз с многобожниками? (Исключаются те, с которыми вы вступали в союз у запретного мольбища) (9:7); Бог установил для людей мольбищем Каабу, – этот запретный дом, – также запретный месяц, жертвенные животные, украшения на них (5:98).* Нельзя исключить существования этого выражения в русском языке раньше XIX в., но все-таки оно не помещено ни в *Словаре русского языка XI–XVII вв.*, ни в *Материалах И.И. Срезневского*. В современном русском языке оно обозначает место религиозных молитв и жертвоприношений у язычников, т.е. нехристиан, а поскольку мусульман считали язычниками, то можно предположить, что семантика этой лексемы в XIX в. также была таковой.⁹

Два переводчика с арабского оригинала – С а б л у к о в и К р а ч к о в с к и й употребляли также словосочетание «место поклонения» по отношению к местам молитвы мусульман. Места поклонения, по мнению К а ш т а л е в о й, это те священные места, которые были таковыми еще до возникновения ислама, когда были посвящены множеству богов, а вместе с появлением монотеистической религии они превратились в места культа единственного Бога.¹⁰ Четыре раза упомянутое сочетание появляется у К р а ч к о в с к о г о во множественном числе и относится именно к священным местам, существовавшим до М у х а м м а д а (2:183), (2:108), (72:18), (22:41). Один раз как у К р а ч к о в с к о г о, так и у С а б л у к о в а появляется это выражение в единственном числе. Так как мусульманские экзегеты не вполне уверены, о каком храме идет речь в этом аяте¹¹ (17:7), употребление К р а ч к о в с к и м общего названия в качестве словосочетания «место поклонения» является понятным. У С а б л у к о в а указанное сочетание появляется на том месте, где в переводе К р а ч к о в с к о г о зафиксирована лексема «мечеть» (7:28). Кроме сочетания первый переводчик с оригинала употреблял также лексему «покланялище», возникшую при помощи суффикса –ище, имеющего топонимическое значение 'место чего-либо'. В современном русском языке она не существует, а и в исторических словарях русского языка она также не зафиксирована.¹² Возможно, что она является новообразованием, созданным переводчиком для передачи арабского термина (17: 7), (7:29).

⁹ По данным *Словаря живого великорусского языка В. Даля* лексема *мольбище* существовала в русском языке XIX в., поскольку она была употреблена автором, однако в словаре не помещено объяснений, касающихся ее семантики, см. указ. соч., т. 2, с. 312.

¹⁰ К.С. К а ш т а л е в а, *Терминология Корана в новом освещении*, указ соч. с. 9.

¹¹ J. Bielawski, указ. соч. с. 889.

¹² См.: *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, И.И. Срезневский, указ. соч., В. Даль указ. соч., *Словарь современного русского литературного языка*, Москва–Ленинград 1960, т. 10.

В XIX в. как наименование мусульманского места молитвы употребляется еще слово «дом». Преимущественно оно обладает такими же определениями, какие были отмечены у слова «мечеть», т.е. «запретный», «священный». В переводе Саблукова, как было сказано выше, можно заметить необыкновенную последовательность передачи словосочетания «ал масджид ал харам» сочетанием «запретная мечеть». Что касается слова «дом», то оно в труде Саблукова обладает как определением «запретный» (5:98), (14:40), так и «священный» (5:2). Кроме двух упомянутых определений исследуемая лексема входит в сочетание с определениями «Божий» и «древний». Словосочетание «древний дом» как у Николаева, так и у Саблукова, а потом и у Крачковского появляется, когда из контекста вытекает, что речь идет об обряде во время хаджа, состоящем в обходе кругом мечети Каба (22:30), (22:34). Сочетание «дом Божий», в значении «мечеть» выступает в переводе Николаева (5:2), у Саблукова образуется сочетание «мечеть Божая» (9:17), (9:18), а в переводе Крачковского, возникшем в XX в. оно заменено сочетанием «мечеть Аллаха» (9:17). Определение «Божий» и «Божая» на месте собственного имени «Аллах», появляется потому, что как Николаев, так и Саблуков перевели имя Аллах как Бог. Такой перевод является странным тем более, что слово «Аллах» принадлежит к одним из старейших арабских заимствований в русском языке.¹³ В трех упомянутых переводах, когда идет прямая речь Аллаха к верующим, лексема «дом» имеет определение в качестве местоимений «мой» или «этот» и только из контекста вытекает, что сочетание «дом мой» следует понимать как мечеть: *И вот Мы устроили для Ибрахима место дома: «Не придавай Мне в сотоварищи ничего, и очисти дом Мой для обходящих его, и стоящих, и кланяющихся с преклонением»* (22:27).

Кроме названий мусульманских мест поклонения в одном месте в Коране упоминаются места молитвы других монотеистических вероисповеданий (22:41), т.е. иудаизма и христианства. В качестве названия иудейского молельного здания в трех первых переводах появляется слово «синагога», с тем что у Постникова к нему прибавляется и поясняющее определение «иудейскія». Из этого можно предположить, что слово «синагога» не было широко известно русскому языку первой половины XVIII в., в исторических словарях русского языка оно также не отражено. Как утверждает М. Фасмер, эта лексема попала в русский язык через немецкий либо через французский языки¹⁴. Поскольку Постников переводил с французского текста, то можно принять, что Дю-Рье в XVI в. перевел ее так же. У Крачковского же на месте выражения «синагога» выступает сочетание «место молитвы». Кроме того выступает и выражение

¹³ С.А. Алхазраджи, *Арабизмы в русском языке (к постановке вопроса)*; „Народы Азии и Африки”, Москва 1977, № 1, с. 151–158.

¹⁴ М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка; перевод с немецкого и дополнения* О.Н. Трубачева, Москва 1987, т. 3, с. 623.

«церковь» как название греко-католической церкви и римско-католического костела.

Из вышесказанного вытекает, что: 1) лексема «мечеть» еще в XVIII в. не была освоена русским языком, на что указывают родовые различия в ее применении, 2) некоторые рассматриваемые единицы с течением времени утратили свое прежнее значение – «молитвенница» – и функционируют в современном языке, обладая другой семантикой, 3) другие, как «покланялище», вовсе исчезли, так как они заменены «более сильными синонимами»¹⁵ в качестве слова «молельня», 4) семантика лексем «церковь» и «костел» в XVIII в. была шире, чем в современном русском языке.

Что касается самих переводов, то в имеющих другой, чем арабский источник, лексема «мечеть» появляется реже, чаще она заменяется христианскими вариантами – выражениями «костел» и «церковь» или нейтральным выражением «дом молитвы». На такой перевод могли повлиять общие теоретические тенденции, сложившиеся лишь в конце XVIII в.¹⁶ и сводящиеся к тому, что перевод должен быть как можно ближе к оригиналу, а создание русской научной терминологии должно строиться на основе наиболее точного обозначения соответствующего понятия прежде всего с помощью перевода иноязычной терминологии на русский язык. Так как оригиналом в этом случае были французские тексты, по всей видимости также лишенные слова «мечеть», которые переводчики заменили христианскими эквивалентами, то русские переводы можно считать соответствующими указанным теоретическим положениям. Переводчики, имеющие источником арабский оригинал, последовательно употребляли выражение «мечеть» для передачи названия мусульманского места молитвы.

¹⁵ Б.А. Ларин, *История русского языка и общее языкознание*, Москва 1977, с. 14.

¹⁶ Е.Э. Биржакова, Л.А. Войнова, Л.Л. Кутина, *Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты и заимствования*, Ленинград 1972, с. 79.